

Окончание. Начало — на стр. 1

ПЕРВЫЙ ПУТЬ К ПРИБЫЛИ — это экспансия вовне с установлением неравноценного обмена, когда в центр из периферии мировой капиталистической системы экспортируется прибыль. С 1992 по 2017 годы в рамках этого механизма коллективный Запад извлекал прибыли из эксплуатации коллективного Востока: прежде всего, Китая, Индии, стран Юго-Восточной Азии, нефтедобывающих государств Ближнего и Среднего Востока. Собственно перенос производств из США, стран ЕС, Японии в Китай, Вьетнам, страны Юго-Восточной Азии, Филиппины осуществлялся ради экономии — прежде всего, на рабочей силе: за счёт затрат, связанных с социальными пакетами, расходами на социальную инфраструктуру, экологию и т.п.

Например, даже в 2010-е годы, согласно данным Азиатского банка развития, "китайские рабочие вносят в конечную стоимость производства iPhone около 6,5 долл., т.е. примерно 3,5% оптовой цены. Остальные 96% экспортной стоимости iPhone приходятся на прибыль и на реэкспортированные детали, произведенные в третьих странах. Всё это учитывается как китайский экспорт. При этом чистая прибыль Apple составляет в цене изделия более 60%".

Возьмём антипод высокотехнологичного изделия, простую дешёвую футболку. Согласно исследованию Financial Times, футболка, произведённая в Бангладеш и проданная в Германию за 4,95 евро шведской розничной компанией Hennes & Mauritz, включает в себя 1,35 евро или 28% от окончательной розничной цены, которые компания платит бангладешскому производителю. Ещё 65 центов производитель платит американским хлопкоробам, и ещё 6 центов покрывают стоимостью транспортировки каждой футболки в Гамбург. Таким образом, производителю остаётся всего 64 цента, из которых 40 центов приходится на рабочих, 15 центов — на налоги, а остальное составляет прибыль бангладешского бизнесмена. 3,56 евро считаются ВВП Германии, где футболка потребляется, и распределяется следующим образом: 2,05 евро достаётся немцам-перевозчикам, оптовикам, розничным торговцам и рекламодателям, Hennes & Mauritz получает 60 центов за футболку, или почти 45% прибыли. Не остаётся внакладе и немецкое государство, получающее 80 центов налогов. Таким образом, от перемены места производства из развитых стран в новые индустриальные государства, будь то Китай, Бангладеш или Таиланд, — выигрывает транснациональный капитал и наёмные работники в третьем мире.

Таким образом, крушение СССР как главная предпосылка китайского экономического чуда и ускоренного развития новых индустриальных государств Азии, типа Бангладеш и Вьетнама, позволило корпорациям всего мира с начала 1990-х годов вплоть до

кризиса 2008-2009 годов извлечь гигантские прибыли и продлить существование капитализма.

Некоторые недалекие либо лукавые пропагандисты выдают борьбу Соединённых Штатов и Китая за борьбу между капитализмом и социализмом. Это — чистой воды обман. Нынешний Китай — классическая развивающаяся государственно-монополистическая страна с авторитарным управлением. Некоторую пикантность и экзотичность Китаю придаёт тот факт, что в этой стране строительство, при том несколько запоздалое, капитализма — проходит под руководством Коммунистической партии Китая. В этом плане Поднебесная в рамках марксистской традиции всегда была крайне неожиданной страной. Например, компартия, по идее — партия революционного пролетариата, появилась в ней, когда примерно 93% населения жили в деревне и большинство из них были неграмотны. Впрочем, недалеко от этого ушла и РСДРП(б), провозгласившая курс на построение социализма в аграрной, почти полностью крестьянской царской России.

Елена ЛАРИНА

Капитализм: три пути к одной пропасти

Но за последние 25 лет зарплаты в Китае постепенно подтянулись к уровню Болгарии, Венгрии и других новых стран ЕС, а также ведущих стран Латинской Америки. Что же касается России, то уже сегодня средняя заработная плата в промышленности Китая выше, чем у нас, а прибыль ТНК в Китае лишь немногим выше, чем в ЕС, в Северной Америке или в Японии. Параллельно с этим китайцы, особенно со второй половины 2000-х годов начали резко ужесточать природоохранное законодательство, выплаты за воду, электроэнергию и т.п.

Буквально в режиме реального времени те же процессы, свойственные для КНР, начинают происходить во Вьетнаме, странах Юго-Восточной Азии, Индии, Бразилии, Турции... Задолго до конца 2020-х годов издержки производства в развитых странах Юга и Востока достигнут уровня ЕС и Северной Америки. Соответственно, внешняя периферия больше не сможет выступать в качестве зоны получения сверхприбыли, генерирующей общий рост прибыли и капитализации.

ВТОРОЙ ПУТЬ К ПРИБЫЛИ — это жизнь за счёт будущего. С первых десятилетий существования капитализма именно кредит и, соответственно, долг были важнейшими факторами расширения производства и получения на этой основе прибыли с последующей её капитализацией. В эпоху классического индустриального капитализма кредитополучателями были, в первую очередь, бизнес-структуры, а также государство. Однако в 1960-е годы под воздействием несомненных успехов социалистических стран в подъёме уровня жизни населения западные демократии решительно изменили кредитную политику, распахнув двери банков перед потребителями, прежде всего — перед наёмными работниками. Именно в этот период на Западе начало формироваться нынешнее "общество потребления". Элиты справедливо решили, что чем поднимать заработную плату и побеждать профсоюзы в изнурительной борьбе при забастовках, проще и выгоднее для экспансии предоставлять кредиты буквально на всё, в общем и целом — на весьма выгодных условиях.

Но жизнь в долг для государства, бизнеса и, главное, для населения, позволявшая покупать дома, машины, электронику, товары народного потребления и т.д., как и любой праздник, — быстро закончилась. В настоящее время, согласно расчётам Института международных финансов, общемировой долг домохозяйств, бизнеса и государств составляет почти 225 трлн. долл. Это равно объёму мирового ВВП примерно за три года. То есть человечество, продлив отведённый капитализму срок, удовлетворило свои потре-

ности на втрое большую сумму, чем производит. Только за 2007-2013 годы общемировой долг вырос примерно на 80 трлн. долл. или примерно на мировой ВВП 2013 года.

Последние шесть лет демонстрируют чётко выраженную тенденцию, которая состоит в следующем.

Домохозяйства — основной потребитель во всем мире — практически не увеличивают размеры своей задолженности. Сумма кредитов и без того такова, что выплата процентов и основного тела долга пробивает ощутимую брешь в бюджете домохозяйств, ограничивает их текущее потребление и, главное, заставляет уменьшать новые покупки домов, автомобилей и других предметов длительного пользования, определяющих, в конечном счёте, перспективы корпоративных прибылей. Осторожно ведёт себя и бизнес, поскольку домохозяйства не то, что не берут новые кредиты, а вынуждены расплатиться за старые. Страны ЕС, Япония, Южная Корея, Индия,

Если в 1950-е—80-е годы в структуре ВВП не только социально ориентированных Германии, Швеции, Нидерландах и Австрии, но и во Франции, Японии и даже в США доля текущих доходов наёмных работников устойчиво увеличивалась, то, начиная с 1990 года, она начала стремительно падать. Например, в Германии час рабочего времени подешевел с 6,8 до 5,7 долл., в США — с 6,8 до 5,8 долл., а в Японии — с 6,2 до примерно 5,8 долл. Законы капитализма едины для всех. Заработная плата в КНР пережившая с 1998-го по 2010-й год стремительный рост в долларовом исчислении, затем начала снижаться. Таким образом, крушение социалистической системы привело к неблагоприятной динамике доходов лиц наёмного труда во всём мире.

В результате, согласно статистике, а главное — данным социологических опросов, подавляющая часть среднего класса и верхней части бедных в США полагают, что с 1990-х годов их доходы в реальном исчислении практически не возросли, а в Германии — даже несколько уменьшились.

КОНЕЦ ЭКСПАНСИИ

Капиталисты и рабочие. Немецкая карикатура 1896 года.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ оказался в капкане, из которого невозможно выбраться. Некапиталистической периферии, пригодной к генерации прибылей в рамках индустриальной экономики, больше не осталось. Жизнь в долг у будущего тоже больше невозможна. Динамика структуры распределения текущих доходов во всех странах G20 описывается увеличением доли сверхбогатых, чуть в меньшей степени — богатых, и стагнацией, а нередко даже уменьшением текущих доходов среднего класса и бедных.

Ряд статистиков и экономистов полагают, что капитализм всё же может спастись за счёт более интенсивного развития в Азии и Латинской Америке, где динамика носит своего рода догоняющий характер. Спорить с этим сложно, поскольку, с точки зре-

ния статистики, сегодняшняя Корея — это вчерашняя Япония и одновременно — завтрашний Китай. Но вся проблема здесь в том, что догоняющее развитие строится на экспортной модели. Экспортировать новые индустриальные гиганты, типа Китая, Южной Кореи, Индии и т.п. могут только в страны капиталистического ядра. А там дела с покупательским спросом обходят из рук вон плохо.

К началу 2020-х годов модель глобального экономического роста мировой капиталистической системы хозяйствования уже бесспорно сломана, если не сказать, разбита вдребезги. Как уже отмечено выше, в основе капитализма лежит замена ресурса труда технико-технологическим ресурсом на основе повышения энергоёмкости, а также капитализация полученной прибыли. Обязательным условием для этого является рост общей системы факторов производства. Этот рост наблюдался, с короткими перерывами на войны, больше 200 лет: с последней четверти XIX века вплоть до начала XXI века. Первый безвоенный спад динамики общей системы факторов производства пришёлся на начало XXI века. Первые годы послекризисного восстановления в 2010-2011 годах он стремительно рос, а затем столь же стремительно упал и, впервые в истории, вот уже без малого десятилетие находится в отрицательной зоне. Общая

производительность факторов производства не растёт, а снижается — в среднем, на 1-1,5% в год. Впервые за всю историю капитализма перестала работать замена труда капиталом на основе повышения энергоёмкости. Весь рост корпоративных прибылей отныне связывается не с процессом реального производства, а исключительно со спекуляциями и раздуванием цен на финансовые активы — явлениями патологическими для зрелого капитализма.

Таким образом, капитализм к 2020-м годам в стратегическом плане исчерпал все возможности экспансии. Однако, это не означает отсутствия перспектив для глобальной мировой экономики. Проблема именно в будущем капитализма, как основного способа хозяйствования.

Александр ЛЮБЕНИН СО ЩИТОМ И НА ЩИТЕ

Об исторических судьбах капитализма и социализма

КАЗАЛОСЬ БЫ, на грозные вопросы, возникшие во второй половине XIX века и остававшиеся актуальными весь XX век, даны окончательные ответы. Окончательные и бесспорные: капитализм вечен, конец истории состоялся, общественная эволюция, пройдя через бурные десятилетия, достигла финишной черты. Отсюда обязывающий, казалось бы, вывод: социальную теорию и общественную практику надо ориентировать на дальнейшее усовершенствование капитализма и его социализацию, а не строить планы социалистических преобразований, тем более — радикального свойства. В такой логике социальное государство, в его активных и расширяющихся реальных проявлениях, видится уже не как тактическая, а как стратегическая альтернатива общественному устройству на принципах социализма, с его требованием общественного равенства, что исключает, в возможности своего реального существования, частную собственность. В данной связи, согласно распространённому мнению, учёный, который этого не понимает (отказывающийся признать свершившиеся факты), — уже не учёный. Он, в лучшем случае, — мечтатель, утопист, а по существу — социальный фанатик, экстремист и мракобес, толкающий общество в бездну тоталитаризма, противную свободной природе человека, которая ни при каких условиях не может реализовываться без института частной собственности.

Несмотря на наглядные признаки констатируемой выше ситуации, существует, однако, и другая общественная реальность. Нравственное чувство человечества пребывает в неспокойном состоянии, поскольку общество остаётся раздвоенным на, выражаясь политкорректно, привилегированную и непривилегированную части, состоятельных и несостоятельных, богатых и бедных, — тех, кто способен пользоваться всеми возможностями современной цивилизации и тех, кто испытывает более или менее строгое, но постоянное ограничение в этом. Поэтому к жизненным обстоятельствам, исключаяющим фактическое равноправие и продолжающим воспроизводить необеспеченность существования широких слоёв населения, вопросы у общества меньше не стало. Общественная мысль, сохраняя нравственное начало, чувствительное к социальным неравенствам, никак не утомится, поскольку не только не изживается, но, напротив, снова и снова воспроизводится почва для этого. А ведь с задетого нравственного чувства всегда всё начинается, в том числе — крупные социальные теории, стремящиеся выявить экономическую подоплёнку неравенства, и масштабная общественная практика, включая революции...

Отсюда важнейший вопрос, ответ на который определяет жизненность социалистической мысли: хочет ли социализма тот, кому он сегодня адресуется? Как велика масса возможных сторонников социализма, и достаточна ли она для претензий на преобразование всего общества и устранение, или хотя бы ощутимое смягчение, социального неравенства? К чему мы ближе: к новому социализму или к всемирному буржуазному правительству?

МЕХАНИЗМ капиталистического воспроизводства органически противоречив. В его исходном пункте создаваемая трудом прибавочная стоимость, являющаяся безразличной целью капиталистической деятельности, находится в противоречии с единственным средством достижения этой специфической исторической цели — необходимостью сокращения доли живого труда, его удешевления. В конечном итоге, вокруг этого обстоятельства и завязываются все конфликты воспроизводства капитала: начиная с объяснённого Марксом закона-тенденции нормы прибыли к понижению, и, завершая, — путь в отдалённой, но неизбежной перспективе, — гигантский диспропорций между количеством производимых товаров и мизерной стоимостью их единицы вследствие неуклонного прогресса техники и технологий, обеспечивающих неуклонный рост производительности труда. Последнее делает бессмысленным накопление вестественного богатства в стоимостном виде в любой его форме (личной, промышленной или финансовой). Способ производства, основанный на частной собственности, охватывающей всё общество (а не существующей в виде отдельного уклада), и на разделении труда, утрачивает свою историческую специфическую основу — стоимость, которая больше не может регулировать товарообменные операции (экономические пропорции), а с этим — процессы производства и обращения капитала. Естественной и неизбежной альтернативой является оптимизированное народнохозяйственное планирование и такое

же функционирование экономики, разрешающее противоречие потребительной стоимости и стоимости в результате возникновения непосредственно-общественной потребительной стоимости, а также труда и капитала, ввиду превращения труда в непосредственно-общественный. Теория данного вопроса разрабатывалась западными учёными в рамках построения математических моделей межотраслевого воспроизводства, а в СССР эту тематику продвигал специально созданный ЦЭМИ АН СССР, стремясь поднять её разработку на высоту новой политической экономики социализма.

Долгосрочные перспективы капиталистического способа производства не вызывают сомнений. Если, открывая новые и новые ресурсные возможности, капитал достаточно успешно отбивается от внешних угроз, то его внутреннее противоречие неограниченности цели и ограниченности исторической формы средств, адекватных этой цели, не может быть устранено никаким образом. Это объективный процесс самоотравления и самоликвидации способа производства, прогрессивный потенциал которого оказывается исторически исчерпанным. Отсюда, впрочем, не следует, что человечеству нужно записаться терпением и смиренным дождаться естественной смерти капитализма "по естественным причинам". Ещё ни один общественный строй в истории не умирал таким образом — это всегда оказывалось результатом давления массовых общественных сил: хоть "изнутри", хоть "снаружи". С каждым новым шагом своего движения вперёд капитализм повышает уровень концентрации и централизации хозяйственной жизни и создаёт всё более зрелые переходные формы к социализму. Сегодня мировой капитализм в материальном отношении, как общественная система, уже готов к переходу к социализму. Дело — в готовности субъективного фактора.

Кроме того, в отдалённой (возможно, даже весьма отдалённой) исторической перспективе капитализм бесценен противостоять своему главному союзнику и, в одном лице, смертельному врагу — научно-техническому прогрессу (НТП). В связи с развитием НТП у капитала возникало, возникает и будет возникать много разных ограничений и препятствий беспрепятельного воспроизводства. Все они разрешимы "внутри системы", но каждое частное разрешение продвигает капитализм всё ближе к финишной черте.

Не является исключением в этом ряду и экспансия западного капитала на Восток, продуктивность которой, согласно приводимой статистике, падает. Сокращение прибыли нередко происходит и в границах национального производства, и внутри сообществ типа ЕС. Экономическая эффективность капитала, ввиду его сохранения является стихийностью, — это вообще пульсирующий, циклический процесс. Пока прибыль, закрывая издержки производства, находится на приемлемом уровне средней прибыли или даже ниже, который период ниже его (долгосрочная прибыль важнее) ничего экстраординарного для капитала нет, даже при снижении достигнутого уровня. Капитал в настоящее время панически не "бежит" ни из Китая, ни из Индии, ни из стран Юго-Восточной Азии и т.д. Конечно, периферия играет очень важную роль в усилении мощи национальных и транснациональных капиталов, а потому — и в поддержании живучести капитализма, в его способности разрешать возникающие социальные проблемы Западного мира.

Но тезис, согласно которому капитализм "без экспансии, расширения... существовать не может. Он обязательно требует внекапиталистической зоны", — теоретически и практически не верен. Позиция Р. Люксембург, на которую идёт ссылка, действительно содержала вопрос о внешних рынках. Однако совсем не в том плане, в котором он подан Еленой Лариной. Под внешним рынком известный пролетарский теоретик и политический деятель в рамках рассмотрения теории реализации понимала рынок некапиталистических слоёв (крестьянство). Этот, обозначенный ею как внешний, рынок мог быть как внутри страны, так и за её пределами. Суть спора с другими марксистами сводилась к вопросу: может ли капитал реализовать на своей национальной территории всю производимую прибавочную стоимость, а также стоимости элементов постоянного капитала, и, тем самым, обеспечить расширение воспроизводства? Это возможно, утверждали они, за счёт спроса капиталистов не только на предметы личного потребления, но также и на дополнительные материальные ресурсы производства. Без внешних рынков (в указанном смысле) нельзя — утверждала Р. Люксембург. Независимо от того, кто был прав в этом споре, речь в данном случае шла не о жизненно важной обязанности для

капитала эксплуатации периферийных стран путём использования их ресурсов, а о значении реализации части произведённой стоимости в некапиталистической среде. Если бы для капитала абсолютно обязательной средой, благодаря которой он только и может существовать, была, как утверждается, периферия, он "захлебнулся" бы уже в самом начале своего исторического пути.

ГЕЙНЕ как-то заметил — весьма справедливо, — что каждая эпоха, приобретает новые идеи, приобретает и новые глаза, которыми видит то, что ранее не привлекало внимания или казалось совсем иным. Так или иначе, но эти прозорливые свойства "новых глаз" получала КПК, и увидела ими в XXI веке "окно" необыкновенных исторических возможностей для китайской: "самой большой и самой одарённой", как она сама себя позиционирует, — нации, чтобы стать не только мощным, но и мощнейшим государством мира на основе концепции "социализма с китайской спецификой". Этот "социализм по-китайски", в отличие от социализма, вкрапленного отдельными более или менее крупными элементами в структуру всех современных буржуазных обществ (прежде всего, в виде социального законодательства), носит системно проектный характер и направлен не на удержание общества в спокойной удовлетворённом материальном состоянии, а на постоянное развитие экономической мощи государства, плодами которого должны воспользоваться все без исключения общественные группы, а не только нуждающиеся в социальной поддержке. Это принципиальный плюс в пользу тезиса о социалистическом характере современной КНР, которая совершенно сознательно не руководствуется идеями, традиционными для европейской социалистической мысли, из которых вырастал, в частности, марксизм. Ключевые мотивы "социализма с китайской спецификой" — это собственный продукт китайской цивилизации, напрямую связанный с конфуцианством, как важнейшим элементом самосознания китайского социума, пронизывающим и объединяющим современное китайское общество на основе завета Конфуция "достигать согласия при наличии разногласий". Эта понятная китайцам традиция использования моральных ценностей активно пропагандируется как основа сплочения народа вокруг китайской компартии. Фактически налицо общепризнанная национальная идея Китая, которая, следует подчеркнуть, сильно своей глубиной естественностью, генетической связью с менталитетом китайцев и очевидной непридуманностью происхождения. Отсюда у китайского и европейского, марксистского в частности, социализма — совершенно разные идейные корни, заведомо исключаяющие совпадение в понимании того, как должен выглядеть готовый социализм. Идейной основой марксистского социализма является социальное равенство, отсутствие какого-либо классового расслоения, всестороннее развитие личности, достигаемое только на базе общественной собственности и централизованного хозяйствования в масштабах всего общества. Китайский же социализм видит свою цель в росте благосостояния всего населения. Принцип солидарности и бескорыстной поддержки "прогрессивных" политических режимов, который исповедовал Советский Союз, к числу черт, присущих китайскому социализму, также не относится. Разлетевшиеся по миру образные слова Дэн Сиопи-на о кошке, цвет которой не важен, если она хорошо ловит мышей, сказанные им в самом начале разворота от курса Мао Цзэдун-а к прагматике "реформ и открытости", остаются смысловым всего происходящего в Китае, вплоть до настоящего времени, и, скорее всего, на обозримом будущем. В том числе — в политике и идеологии.

То, что сегодня Китай является страной государственно-монополистической, заслуживает не упоминания, а как раз похвалы. С точки зрения материальных предпосылок, Китай теперь находится не дальше, а гораздо ближе к марксистскому социализму, чем был при Мао Цзэдуне. В связи с этим и роль КПК в китайском обществе следует признать прогрессивной, а не упрекать за авторитаризм.

Рынок ныне является системообразующим фактором китайской экономики и общества (свыше 60% ВВП производит частный сектор). Но не менее важным фактором, превращающим китайскую хозяйственную систему в единое целое, является стратегическое государственное планирование, общественный сектор, который включает в себя крупные и средние предприятия принципиальной значимости, и, конечно, КПК в качестве генератора планов долгосрочного развития и существенно значимого фактора управления народным хозяйством. Социализм в Китае — это своего рода НЭП, который, как об этом когда-то писал Ленин, мечтая из России нэповской сделать Россию социалистическую, "пришёл всерьёз и надолго". Имея объективные внутренние противоречия, в том числе — и классового характера, экономика и социально-политическая жизнь "китайского НЭПа" будут неизбежно эволюционировать. Куда и как — зависит от политической линии КПК. Пока же, после 40 лет рыночных реформ, на XIX съезде КПК (2017 г.) было заявлено, что китайская компартия "рассматривает реализацию коммунизма как свой высший идеал и конечную цель".

ОЧЕНЬ КАК-ТО РАЗМАШИСТО считать, что на момент Октябрьской революции большевики и не-большевики, будучи марксистами, теоретически расходились в вопросе о воз-

можности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Расхождения касались степени материальной готовности России к социализму, поскольку она не достигала даже до уровня страны среднеразвитого капитализма. Но все марксисты были едины в понимании социалистической революции как мирового процесса. Если какая-либо страна его и начинает, то она должна быть обязательно поддержана пролетарскими революциями в других странах. Революции в Германии и Венгрии как будто бы подтверждали эти надежды большевиков. Но эти, такие желанные для них революции были подавлены, и наша страна осталась один на один с враждебным ей капиталистическим миром.

С этого момента и начался слом, обусловивший одновременно героическую и трагическую историю СССР. Эта история была героической, поскольку потребовала беспрецедентных усилий, лишений и крови для сохранения революционных завоеваний, для достижения известных высот науки и техники, для превращения за какие-то 40-50 лет отсталой аграрной страны, дважды разрушенной: гражданской войной, а затем гитлеровской агрессией, — во вторую "сверхдержаву" мира. Эту задачу, полностью совпадающую с задачей сохранения исторической России, большевики успешно решили. Но история СССР не могла избежать трагичности — не только в силу многочисленных жертв строительства и защиты социализма в одной отдельно взятой стране, но и потому, что в этот период теория социализма, а с нею и общественно-политическая жизнь, были направлены по ложному пути, создав на будущее трудности, оказавшиеся, в конце концов, непреодолимыми.

Период отечественной истории, называемый сталинским, правильнее было бы обозначить в теории как исключительный временный отрезок, отражающий реальные особенности становления советского социализма с сопровождающими эти особенности специфическими экономическими и другими общественными отношениями. Теория этого периода не должна была восприниматься в качестве единственно верной общей теории социализма, отрываясь от его классической марксистской трактовки.

Все революционеры по природе своей пассионарны, это обязательная и неотъемлемая черта их образа мысли и образа действия, являющаяся продолжением их многочисленных достоинств. Они, поэтому, всегда спешат и чаще всего "перегибают палку", принимая в политической действительности желаемое за достигнутое. Революционная мысль, а с нею — и практика, торопят жизнь и легко забегают вперёд. Это объяснимо ещё и тем, что никакого учебника, ограничивающего нетерпение и субъективизм или, тем более, пошаговой инструкции в отношении того, каким образом двигаться в сторону будущего социализма, не существует, поэтому пришлось, как, натолкнувшись на данную проблему, выразился Ленин, "выкарабкиваться самим".

Хозяйственная система СССР, возвысившая страну, позволявшая победить в Великой Отечественной войне и быстро выйти из послевоенной разрухи, была адекватна требованиям своего времени, которые можно было обозначить как "диктатура экономической развития". Не нужно забывать, что без экономических достижений советской власти при Сталине не было бы и военной Победы над фашизмом. Китай также с конца 1970-х гг. фактически подчинил себя "диктатуре экономического развития". Он сделал это не в форме прямых директив и силового контроля со стороны центральной власти, а в форме учёта и соответствия императивным требованиям рынка.

Поэтому исторический смысл 1930-х—1950-х годов нашей истории нельзя игнорировать. Разве его можно свести только к жёсткости существовавших порядков? События в России не были ни роковой ошибкой, ни замыслом отдельных злодеев, установивших "тоталитарный строй", они были обусловлены объективными и противоречивым ходом истории, отсутствием альтернативы в спасении не только социализма, но и исторической России. Никто не опровергает известный вывод Сталина, сделанный им ещё в начале 1931 года: "Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем то, либо нас сожгут". Индустриализация и коллективизация стали спасительным омутом, в который вынужденно окунулась Россия в определённый исторический период для своего сохранения, создав мобилизационную экономику и соответствующую ей систему общественных отношений. К сожалению, эта ситуационная модель впоследствии была канонизирована в качестве единственно верной теории социалистического строительства. Поэтому гармонизации достаточно успешно решаемых военно-политических и хозяйственных задач с собственно социалистическими идеями во внутренней политике СССР не произошло не только в довоенный, но и в послевоенный период. Итогом стало то, что СССР своим "Красным проектом" в годы опаснейшей угрозы самому существованию нашей страны, во время Великой Отечественной, а затем — и "холодной" войны, закрыл её этим проектом, словно щитом. Но щит не заменит дома, вечно жить только со щитом и под щитом нельзя. И, в конце концов, из-за первоначальных теоретических ошибок, руководство СССР не справилось с проведением необходимых преобразований, и, даже толком не поняв, какой характер эти преобразования должны носить, открыло тем самым дорогу контрреволюции, заплатив крушением системы социализма.